

Анна Клятиц

«Сестра моя жизнь», экземпляр Маяковского

Abstract: The article presents for the first time the original text of Boris Pasternak's poem "Vy zaniaty nashim balansom..." (1921), which was written as an autograph on a copy of the book *Sestra moia zhizn'*, given to Vladimir Mayakovsky in the spring of 1922. Thanks to the discovery of Mayakovsky's lost copy, the textological problems associated with this poem have been resolved, the lost (third) stanza has been restored, and the dating has been clarified. All this gives an opportunity to make corrections not only in the understanding of the text of the poem, but also in the historical details related to Pasternak's position in 1921 and his relationship with Mayakovsky.

Keywords: Boris Pasternak, Vladimir Mayakovsky, Futurism, LEF

В апреле 1922 года в издательстве З.И.Гржебина в Москве тиражом 1000 экземпляров вышло первое издание поэтической книги Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь». Непосредственно после ее выхода в свет автор активно раздавал экземпляры книги с персональными инскриптами своим родственникам, друзьям, близким и дальним знакомым, собратьям по цеху. Известно некоторое число дарственных надписей Пастернака того времени¹ — Н.Н.Асееву, В.Я.Брюсову, А.А.Ахматовой, С.М.Городецкому, М.А.Кузмину, А.В.Луначарскому, И.Г.Эренбургу и др. Среди этих инскриптов один из самых известных был сделан на экземпляре, подаренном тогда же В.В.Маяковскому. В отличие от перечисленных инскриптов, это стихотворное послание до сих пор было известно только благодаря памяти самого Пастернака. Две строфы стихотворения «Вы заняты нашим балансом...» вошли в текст автобиографии, которая потом получила название «Люди и положения» и стала местом первой публикации стихотворения.

---

1 См. Лихт/Сергеева-Клятиц 2022: 274–288.

Надписанная Маяковскому книга затерялась, отсутствовала она и в библиотеке Бриков, где, скорее всего, должна была находиться. В Полном собрании сочинений Пастернака указано прямо: «Книга с надписью не сохранилась» (Пастернак 2003–2005: II, 459).

Впервые Пастернак воспроизвел более полную версию знаменитого теперь поэтического инскрипта через год после гибели Маяковского, в 1931 году, по просьбе своего знакомого Г.В.Бебутова, с которым общался в начале 1930-х годов в связи с поездкой в Грузию и интересом к грузинским поэтам. Видимо, частично реализованный впоследствии Бебутовым замысел о создании биографии Маяковского уже владел им в тот момент, когда рядом оказался Пастернак, близко Маяковского знавший. Этот автограф озаглавлен Пастернаком «Маяковскому в 20-м году»². Отметим, что Пастернак здесь датирует стихотворение двумя годами раньше, чем вышла «Сестра моя жизнь». Воспроизведенный им по памяти текст выглядел следующим образом³:

Вы заняты нашим балансом,
Трагедией ВСНХ,
Вы певший Легучим голландцем
Над краем любого стиха.

Холщовая буря палаток
Раздулась гудящей Двиной
Движений, когда Вы, крылатый,
Возникли борт о борт со мной.

Я знаю, ваш путь неподделен,
Но как вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем этом пути?

² РГАЛИ. Ф. 3100. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

³ Здесь и далее правописание, стробфика и пунктуация авторские, включая вопросительный знак при слове «отпрянув».

И вы с прописями о нефти!
Отпрянув (?) и оторопев,
Я думаю о терапевте,
Который вернул бы вам гнев.

Следующий вариант своего инскрипта Пастернак датировал 1923-м годом. На машинописи со стихотворением автор сделал приписку: «Стихотворение неопубликовано и напечатанью не подлежит. Надпись на книге „Сестра моя жизнь“, подаренной Маяковскому»⁴. Видимо, текст был продиктован Пастернаком по просьбе А.Е. Крученых, который и сохранил этот машинописный вариант в своем архиве. На обратной стороне рукой Крученых проставлена дата — 9 ноября 1932 года. В этом тексте по сравнению с первым вариантом содержатся следующие изменения, выделенные ниже курсивом: переставлены местами третья и четвертая строфы (ст. 13–16, 9–12 автографа Бebutова), сделана лексическая замена в ст. 4 («*Над трапом* любого стиха!»); устранена ошибка памяти в ст. 14 («*Теряясь* и оторопев»). Предположительно, особенности правописания и пунктуации в машинописи не авторские, поскольку текст, вероятнее всего, печатал Крученых, следуя за диктацией Пастернака.

Самый информативный сюжет связан с более поздним автографом Пастернака, подаренным Г.О. Винокуру. Он озаглавлен следующим образом: «Надпись на экземпляре „Тем и Вариаций“ или „Сестры моей жизни“, сделанная Маяковскому в 19м или 20м году». На обороте листа пояснение Винокура:

Стихотворение это записано по моей просьбе Б.Л. Пастернаком в Переделкине в сентябре 1945 г., после того, как я напомнил ему о том, что видел его в 1922 г. летом на экземпляре его книги «Сестра моя жизнь», подаренном им Маяковскому. По-моему, экземпляр должен находиться в библиотеке О.М. Брика. Речь идет именно о «Сестре моей жизни», а не о «Темах и вариациях», вышедших позднее. Г.О. Винокур. 12.IX.45.
(РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 2. Д. 85. Л. 1–2)

4 Собрание Государственного музея В.В. Маяковского, инв. номер Р 5738.

Здесь интересно буквально всё: колебания Пастернака относительно года написания стихотворения и той книги, в которую оно было вписано в качестве инскрипта (учитывая, что ни в 1919, ни в 1920 году не существовало еще ни одной из упомянутых им книг), точность воспоминания Винокура, который видел стихотворение в «Сестре моей жизни» и именно летом 1922 года, и даже предположение о вероятном местоположении книги — в библиотеке Брика. Записанный Пастернаком в сентябре 1945 года текст включал три разночтения по сравнению с вариантом Крученых: были сделаны лексические замены в ст. 4, 6 и 16 (выделены в тексте). В таком прочтении, по автографу Винокура, с незначительными пунктуационными отклонениями, стихотворение было опубликовано в «Литературном наследстве»:

Вы заняты нашим балансом,
 Трагедией ВСНХ,
 Вы, певший Летучим Голландцем
 У *края* любого стиха!

Холщовая буря палаток
Ревела дремучей Двиной
 Движений, когда вы, крылатый,
 Возникли борт о борт со мной.

И вы с прописями о нефти!
 Теряясь и оторопев,
 Я думаю о терапевте,
 Который вернул бы вам гнев.

Я знаю, ваш путь неподделен,
 Но как вас могло занести
 Под своды таких богаделен
 На искреннем *вашем* пути?!

(Пастернак Е. Б. / Пастернак Е. В. 1983: 685)

Из этого краткого обзора видно, что Пастернак, не помня точно года написания стихотворения, датировал его по-разному — то более ран-

ним периодом, чем год выхода в свет «Сестры моей жизни», то более поздним, предполагая, что мог надписать таким образом следующую свою книгу — «Темы и вариации». Датировка 1923-м годом психологически понятна и объяснима: именно после приезда из Берлина Пастернак столкнулся вплотную с «новым» Маяковским, не пожелавшим взять в ЛЕФ его стихи, кроме одного, специально «заказанного» Пастернаку первомайского стихотворения «О город! О сборник задач без ответов...». Как пишет об этом Л. С. Флейшман, «Пастернак сразу столкнулся с пределами возможных между ним и левовской группой контактов; „индивидуальные“ замыслы в сферу его сотрудничества с „Левом“ попасть не могли» (Флейшман 2003: 30).

1920 или даже 1919 годы, которыми помечены два других автографа, разделенных большим временным периодом, говорят о смутном ощущении поэта, что текст инскрипта был написан до появления из печати «Сестры моей жизни», что особенно любопытно. Если верить этому ощущению Пастернака, то можно с уверенностью говорить о его серьезном идейном расхождении с Маяковским еще до 1922 года. К разговору о датировке стихотворения мы вернемся чуть ниже.

Каждый раз Пастернак воспроизводил свой инскрипт с небольшими вариациями в отдельных словах, но большая часть поэтического текста оставалась неизменной: это четыре строфы, порядок которых установился в процессе их припоминания.

Стихотворение, в 1932 году отмеченное Пастернаком как такое, которое «публикации не подлежит», впоследствии было включено им (хоть и не полностью) в автобиографический очерк «Люди и положения» (1956):

Вы заняты нашим балансом,
Трагедией ВСНХ,
Вы, певший Летучим голландцем
Над краем любого стиха!

Я знаю, ваш путь неподделен,
Но как вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем вашем пути?
(Пастернак 2003–2005: III, 337)

Это решение, по всей вероятности, было связано с изменившимся отношением к Маяковскому и переосмыслением той роли, которую он сыграл в судьбе самого Пастернака и истории поэзии:

За вычетом предсмертного и бессмертного документа «Во весь голос», позднейший Маяковский, начиная с «Мистерии-буфф», недоступен мне. До меня не доходят эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и нестроумно. Это, на мой взгляд, Маяковский никакой, несуществующий.

(Там же: 336)

Интересно отметить, что в Полном собрании сочинений Пастернака (Пастернак 2003–2005; II, 231) текст стихотворения «Вы заняты нашим балансом...» получил название «Маяковскому» и был скомпилирован составителями на основе разных источников. Так, в ст. 4 появилось: «*Над краем* любого стиха» — в соответствии с поздним пастернаковским вариантом из очерка «Люди и положения», то же и в последней строке представленного там отрывка: «На искреннем *вашем* пути» (курсив мой. — А. К.). Состав и порядок строф заимствован из других вариантов (Винокура и Крученых).

Такова текстологическая история поэтического инскрипта-посвящения, которая вырисовалась к настоящему времени. Окончательную точку в ней ставит чудесное обретение потерянного экземпляра «Сестры моей жизни», принадлежавшего Маяковскому, а теперь находящегося в частном собрании. Нынешний владелец книги любезно предоставил нам возможность ознакомиться с этим экземпляром и воспользоваться им для настоящей публикации.

Помимо исторических деталей, экземпляр Маяковского интересен в двух аспектах: прежде всего, на обороте последней страницы книги помещается автограф стихотворения «Вы заняты нашим балансом...», датированный 1921 годом. Во-вторых, в книге содержатся карандашные пометы, принадлежащие Лиле Брик и сопровождающие почти каждое стихотворение. Анализ инскрипта свидетельствует о том, что память Пастернака сохранила основной текст, и все мелкие сомнения он так или иначе разрешил в более поздних автографах. Однако поэт либо за-

был, либо сознательно не стал воспроизводить одну из строф, которая в оригинальном тексте следовала за второй. Думается, что ее утрата была все же ошибкой памяти, поскольку в ней Пастернак с помощью яркой метафоры разворачивает образ корабля, намеченный в предыдущей строфе:

Вы заняты нашим балансом,
Трагедией ВСНХ,
Вы, певший Летучим Голландцем
У края любого стиха!

Холщовая буря палаток
Пласталась ревущей Двиной
Движений, когда Вы, крылатый,
Возникли борт о борт со мной.

Кипевшей толпе экипажа
Отвешивал страшный поклон
С пучиной, ответно кивавшей,
Раскланивавшийся циклон.

И Вы — с прописями о нефти?
Теряясь и оторопев,
Я думаю о терапевте,
Который вернул бы Вам гнев.

Я знаю, Ваш путь — неподделен,
Но как Вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем *этом* пути?

Утраченная и воскрешая строфа дает новое прочтение всему тексту. Оно в точности соответствует раннему и в начале 1920-х еще недавнему восприятию Маяковского Пастернаком, впоследствии воспроизведенному как воспоминание в «Охранной грамоте». Без нее возникает ложное ощущение равенства между двумя поэтами — двумя кора-

блями, которые встречаются в открытом море «борт о борт». Этому противоречит упоминание вечного обитателя морских просторов — Летучего Голландца, соотнесенного с Маяковским («певший Летучим Голландцем»), что отчасти объяснено в «Охранной грамоте»: «Привыкнуть нельзя было к Владимиру Маяковскому трагедии, к фамилии содержания, к поэту, извечно содержащемуся в поэзии [...]» (Пастернак 2003–2005: III, 219). Музыкальная составляющая образа (пение), по всей вероятности, связывает его с оперой «Летучий Голландец» (*Der fliegende Holländer*) Р. Вагнера (об увлечении Пастернака музыкой Вагнера известно из разных источников⁵) и романтической фигурой ее главного героя. Вспомним рассуждения Пастернака в «Охранной грамоте» о романтической природе творчества Маяковского.

Благодаря новообретенной строфе становится очевидным, что смысл сопоставления двух поэтов — демонстрация их неравенства, бесспорного превосходства Маяковского. Такая оценка аналогична той, которая заложена в характеристику раннего Маяковского, в 1914 году вызвавшего восторг и почти влюбленность молодого Пастернака:

[...] он был огромен, удержать его в разлуке не представляло возможности. И я его утрачивал. Тогда он напоминал мне о себе. «Облаком в штанах», «Флейтой-позвоночником», «Войной и миром», «Человеком». То, что выветривалось в промежутках, было так громадно, что и напоминанья требовались экстраординарные. Такими они и бывали. Каждый из перечисленных этапов заставлял меня неподготовленным. На каждом, выросши до неузнаваемости, он весь рождался вновь, как в первый раз. (Там же: 218)

Указание на лето 1914 года как время первой встречи с Маяковским, вероятно, содержится в строках «Холщовая буря палаток / Пласталась ревушей Двиной», в которых скрывается реально-исторический контекст: военные палатки и близость реки Двина (впоследствии открывающей путь на Ригу) свидетельствуют о времени начала войны, растянувшегося практически на два месяца.

5 См., напр.: Пастернак А. 2002: 246.

Гипербола, обозначающая огромность, стихийность, неконтролируемость дара Маяковского содержится и в «новой» строфе, как и сознание неравноценности его дара собственному, неравенства масштабов: «Не пойму, что он находил во мне. [...] Когда же мне предлагали рассказать что-нибудь о себе, я заговаривал о Маяковском. В этом не было ошибки. Я его боготворил. Я олицетворял в нем свой духовный горизонт» (Там же: 219, 220). Теперь нельзя не увидеть сходного сопоставления и в стихотворении. Свою поэзию, свой дар Пастернак уподобляет «кипевшей толпе экипажа» на борту корабля, в то время как Маяковский — это громадное природное явление, циклон⁶. Аналогично в книге «Темы и вариации» Пушкин — и метонимически его дар — предстает как стихия, равная морской пучине:

[...] Два бога прощались до завтра,
Два бога менялись в лице:
Стихия свободной стихии
С свободной стихией стиха.
Два дня в двух мирах, два ландшафта,
Две древние рамы с двух сцен.
(Пастернак 2003–2005: I, 171)

Возможно, в этом кроется причина сомнений Пастернака, не была ли дарственная надпись сделана на книге «Темы и вариации».

Пушкин и Маяковский в творчестве Пастернака того периода — образы родственные и взаимозаменяемые. На фоне метафоры циклона чувствительнее ощущается перемена, произошедшая с Маяковским и фиксируемая в 4-й строфе: «И Вы — с прописями о нефти?»

Вернемся к вопросу о датировке стихотворения. В 1921 году, когда текст, как теперь ясно, был написан, отношения Пастернака с Маяковским еще не приняли того критического оборота, которого постепенно достигли к середине 1920-х. В «Охранной грамоте» Пастернак вспоминал, как после своего возвращения с Урала он встретился с Мая-

---

6 Ср. с более поздними синонимичными образами «аравийского урагана» и шторма в стихотворениях книги «Второе рождение» — «Лето» и «Вторая баллада» (1930).

ковским⁷. В ранней редакции повести содержался следующий значимый фрагмент, впоследствии смягченный: «Он соглашался со мной, но предложения выступить против [футуризма] экзотики того периода не принял. Мы дошли до Лубянки и разошлись в разные стороны» (Пастернак 2003–2005: III, 222). Из этого фрагмента с очевидностью следует (если принять, что смысл его не был привнесен автором позже, в результате опыта принципиального личного расхождения с Маяковским), что их противоречия начались уже в 1917 году, хотя в то время они и имели чисто эстетический смысл. Однако зародыш будущего идеологического противоречия в них уже содержался. В «Охранной грамоте» сохранился другой эпизод, отнесенный Пастернаком к августу 1917 года. В нем описывается телефонная перепалка с Маяковским, который приглашал его участвовать в совместном выступлении, и сделана отсылка к упомянутому выше разговору: «[...] Совсем глухо во мне, вероятно, жил именно тот весенний разговор, на который Маяковский так безуспешно ссылался, и меня раздражала непоследовательность этого приглашения после всего тогда говорившегося» (Там же: 228).

К январю 1920 года относится еще одно знаковое событие, упомянутое в «Охранной грамоте», — присутствие Пастернака на чтении Маяковским поэмы «150 000 000», происходившем на квартире Бриков (Лихт/Сергеева-Клятис 2022: 234). Пастернак фиксирует момент полного расхождения: «Впервые мне нечего было сказать ему» (Пастернак 2003–2005: III, 230). В этом выводе заключен уже не столько эстетический смысл, сколько внутреннее несогласие Пастернака с тем путем, который избрал Маяковский. Это несогласие зафиксировано формулой «мы разошлись в разные стороны». Сервизизм Маяковского, его тесная спаянность с государством, подчинение своего дара текущей повестке и многое другое — отталкивали Пастернака и всё дальше разводили его с прежним своим кумиром: «В эти годы я столкнулся с границами моего пониманья, по-видимому, — непреодолимыми» (Пастернак 2003–2005: III, 230). Попытка Пастернака спасти Маяковского от него самого в середине и конце 1920-х годов подробно описана Л. С. Флейшманом (2003: 67–99). Стихотворение «Вы заняты нашим балансом...» относится к этой поведенческой линии Пастернака и, как

---

7 Эта встреча датируется 25 (или 26) марта 1917 г. (Лихт/Сергеева-Клятис 2022: 204–205).

теперь видно, написанное в 1921 году, может быть прочитано как первый акт этой трагически завершившейся драмы. Как кажется, так воспринимал его и сам Пастернак.

Остановимся еще на одной особенности вновь обретенной книги. Как было сказано выше, она снабжена пометками, принадлежащими Лиле Брик. К какому времени относятся эти пометки, неизвестно, но логично предположить, что книга была прочитана сразу после того, как Пастернак подарил ее, учитывая всеобщий интерес (и прежде всего интерес Маяковского) к включенным в нее текстам. Попытаемся понять, что интересовало в поэзии Пастернака Лилю Брик и, вероятно, отчасти круг Маяковского.

Прежде всего бросается в глаза особое внимание к фоносемантике. Во многих стихотворениях подчеркнуты примеры пастернаковской звукописи, которой они плотно насыщены. Возьмем случайный пример из стихотворения «Заместительница»: «У которой гостят, и гостят и грустят», «От стекляшек в гостинной, от стекла и гостей», «От розеток, косяшек, от роз и костей», «Провальсировать к славе, шутя ...», «Чтобы комкая корку рукой, мандарины⁸ / Холодящие дольки глотать, топясь / В опоясанный люстрой...». Таких примеров можно привести множество.

В некоторых местах есть пометы, которые разворачивают и поясняют подчёркивания. Так, например, в стихотворении «Зеркало» отмечена следующая строфа:

В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль и — прямой
Дорожкой в сад, в бурелом и хаос
К качелям бежит трюмо.

На левом поле помечено: «а+к». Речь идет не о подчеркнутых словах «в бурелом и хаос», которые, скорее, пришлись читательнице по вкусу в семантико-стилистическом плане, сколько о звукописи всей строфы, построенной на игре обозначенных звуков. Сходная помета «о+м» сопутствует подчеркнутой строке: «Что ломится в жизнь и ломается

8 У Пастернака — «мандарина».

в призме». Встречаются более развернутые пометы, имеющие отношение к содержательной стороне текстов: «Душа — душна, и даль — табачного / Какого-то, как мысли, цвета». На полях помета: «конкр<етное> через абстрактное».

Образы, метафоры и сравнения, которые явно привлекали своей новизной и неожиданностью, тоже выделены подчеркиваниями: «И пахнул винной пробкой» («Засим, имелся сеновал...»), «Как усыпительна жизнь! / Как откровенья бессонны!» («Как усыпительна жизнь!...»).

Встречаются отчетливо критические пометы, часто связанные с синтаксическими сложностями поэзии Пастернака, которые были в то время ее органической чертой. Так, в стихотворении «Образец» возникает вопрос к следующему фрагменту:

Сушился холст. Бросается
Еще сейчас к груди
Плетень в ночной красавице,
Хоть год и позади.

Он незабвенен тем еще,
Что пылью припухал,
Что ветер лускал семечки,
Сорил по лопухам.

Что незнакомой мальвою,
Вел, как слепца, меня,
Чтоб я тебя вымаливал
У каждого плетня.

Вторая из приведенных строк снабжена вопросительным комментарием к местоимению «он» — «плетень?». Внимательное, детальное чтение текстов — неоспоримая черта комментатора. Сходная ситуация относится к стихотворению «Плачущий сад», где пометой «кто?» отмечена первая строка «Ужасный! — Капнет и вслушается...». Во второй строке знаком вопроса сопровождается следующий образ: «И слышно: далеко, как в августе...»

Нужно отметить, что между пометами есть сквозные логические связи, очевидным образом объединяющие размышления над стихотворениями книги в один критический текст. Так, иногда подчеркивается отдельный прием, вернее, повтор одного и того же приема. Например, наравне со звукописью выделена анафора в первых двух строфах стихотворения «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок.
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Это — сладкий заглохший горох,
Это — слезы вселенной в лопатках,
Это — с пультов и с флейт — Figaro
Низвергается градом на грядку.

Действительно излюбленное Пастернаком указательное местоимение «это» отмечено еще раз в стихотворении «Послесловье»:

Это вечер из пыли лепился и, пышучи,
Целовал вас, задохшись в охре, пылью.
Это тени вам щупали пульс. Это, вышедши
За плетень, вы полям подставляли лицо
И пылали, плывя по олифе калиток,
Полумраком, золою и маком залитых.
Это — круглое лето, горев в ярлыках [...]

То же — в стихотворении «Сложь весла»: «Это ведь может со всеми случиться! / Этим ведь в песне тешатся все. / Это ведь значит пепел сиреневый [...] / Это ведь значит обнять небосвод, / Руки сплести вокруг Геракла громадного, / Это ведь значит века напролет...»

В стихотворении «У себя дома» отчеркнуты две строки: «Как усыпительно — жить! / Как целоваться — бессонно!» На полях отсылка: «см. 99». На странице 99 была отмечена сходная конструкция: «Как усыпительна жизнь! / Как откровенья бессонны!»

Не всегда возможно однозначно понять интенцию, с которой выделяется тот или иной фрагмент, однако в любом случае пометы Л. Ю. Брик на книге Пастернака «Сестра моя жизнь» могут служить темой отдельного исследования, посвященного кругу Маяковского.

Обретенный более чем через столетие после своего создания автограф-инскрипт Пастернака — одно из тех событий, которые случаются чрезвычайно редко. Экземпляр «Сестры моей жизни», принадлежавший Маяковскому, дает материал для размышлений в самых разных научных аспектах. Прежде всего восстанавливается канонический текст стихотворения «Вы заняты нашим балансом...»: его утерянная строфа, забытые Пастернаком впоследствии первоначальные варианты, оригинальные орфография и пунктуация, что не может не повлиять на текстологические решения при публикации этого стихотворения в дальнейшем. Среди них — написание с прописной буквы форм местоимения Вы, поскольку, как мы знаем из последующей истории, этот текст воспринимался Пастернаком как личное послание и для печати не предназначался. Кроме того, теперь, когда установлена точная датировка стихотворения, мы имеем возможность уточнить наши сведения о позиции Пастернака в 1921 году, его отношении к Маяковскому в сопоставлении с более поздним периодом и разновременной рефлексией самого Пастернака.

Автор приносит искреннюю благодарность Елене Погорельской, без инициативы и помощи которой эта публикация была бы невозможна, а также Елене Толстой, Михаилу Вайскопфу и Игорю Смирнову за некоторые ценные наблюдения.

Литература

- Лихт, Рахель / Сергеева-Клятис, Анна (сост.) (2022): *Летопись жизни и творчества Б.Л. Пастернака: в 3-х т. Т. 1: 1889–1924*. Москва: Бослен.
- Пастернак, Александр (2002): *Воспоминания*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Пастернак Евгений / Пастернак, Елена (публ.) (1983): «Борис Пастернак: Из переписки с писателями», в: *Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920-х – 1930-х гг.* Москва: Наука, 649–737.
- Пастернак, Борис (2003–2005): *Полное собрание сочинений в 11 томах*. Сост. и комм. Е. Б. и Е. В. Пастернак. Москва: Слово/Slovo.
- Флейшман, Лазарь (2003): *Борис Пастернак в двадцатые годы*. Санкт-Петербург: Академический проект.